

КРОКОДИЛ

№ 11 ● АПРЕЛЬ 1975

К ВЕСЕННЕ-ЛЕТНЕМУ СЕЗОНУ

Рисунок В. ЖАРИНОВА

А. КАРАСЕВ, С. РЕВЗИН, специальные корреспонденты Крокодила

ЛЮБИМЦЫ ФОРТУНЫ

Хорошая это штука — местком. Поругался ли с директором, или за критику тебя начальник отдела прищемил — не бойся, за твоей спиной заступник. В обиду не даст. А в праздник еще памятный подарочек преподнесет, чтобы не забывал, чтобы чувствовал заботу местного комитета!

И в связи с этим невольно вспоминается, как отличился один местком в женский праздник 8 Марта.

В новом городе Шевченко, что на Каспии, существует автотранспортное предприятие — сокращенно ПАТП-6. И, естественно, там функционирует местный комитет. Функционирует тихо поскольку собраний не проводит и с администрацией не ссорится.

И вот наступает праздник 8 Марта.

— Разве можно в такой день не отметить наших женщин? — сказал председатель месткома Ковалев.— И не какой-нибудь огульной благодарностью, а ценными подарками! Выделим на это мероприятие 400 рублей, а?

И был праздник! У покрытого красным бархатом стола стояли две крупногабаритные коробки с подарками. А так как вечер не был посвящен производственным итогам, одаривали невзирая на лица. Инженер ты или инструментальщица, экономист или контролер, казначей или вахтерша. Что вынется из коробки, то и получай! Как в лотерее. А чтобы не было толчеи, руководители праздника умело направляли одних именинниц к одной коробке, других — к другой. И уж тут... Кому улыбнется госпожа Удача...

Подошли, например, члены месткома Шрамко и Плесовская к первой коробке, а там и косынки, и духи, и дамские сумочки... Все, что хочешь для души. Повезло, значит. А вот работнице Клименко, наоборот, достались из второй коробки ленточка для волос и цветок из бумаги. Фортуна!

Но праздник продолжался. Из кабинета директора доносился звон бокалов... А что? Мы и сами бы не прочь за женщин осушить бокал шампанского или «Напареули»... Да и тосты за празднично накрытым столом произносились только в честь именинниц, «которые столь украшают сегодня наш вечер!»

Но кабинет не банкетный зал. В него все женщины не поместятся. Да и мужчинам надо место оставить, чтобы было кому этих женщин поздравлять. Поэтому ни работница Клименко, ни инструментальщица Черкунова, ни контролер Басалаева, ни многие-многие другие не украшали это торжество. Опять-таки Фортуна!

С этой дамой, окруженной мифологическим туманом, у месткома большая дружба. Ей доверено распределение путевок в дома отдыха, талонов на покупку мебели, холодильников, ковров... (Надо сказать, что в новом городе особо дефицитные товары пока что распределяются по предприятиям.) А характер у Фортуны, как известно, капризный. Взбрело ей в голову дать директору Айтуарову три бесплатные путевки в дом отдыха, и ничего с ней не поделаешь. Или получил местком 17 путевок, а Фортуна 8 штук из них оттяпала. Да не каких-нибудь — в местный однодневный, а в Кисловодск, Пятигорск, на Южный берег Крыма... И канули эти путевочки в Лету. Кто по ним отдыхал? Кто за них платил? И кому платил? Приходные ордера поглотила мифическая река...

Конечно, водитель Башев не Аполлон, он всего только водитель. Но поскольку он шесть лет стоял за ковром в очереди, он заслуживал внимания Фортуны.

И Фортуна сжалилась и включила в свой тайный список шофера Башева. Но в этот момент ей попались на глаза казначей Шрамко и сам председатель месткома Ковалев. Могла ли Фортуна обойти вниманием своих друзей и любимцев, которых уже неоднократно оделяла ковровыми изделиями? Нет, конечно. И она вычеркнула незадачливого шофера. Обычно Фортуну изображают держащею рог изобилия. Наша не является исключением. Из ее рога, словно золотой дождь, на избранных сыпались месткомовские деньги. Например, собирают профвзносы казначеи Шрамко и Плесовская. Так почему бы не наградить за это пятьюдесятью рублями каждую?

Или отчего не порадовать отдельных работников предприятия материальной помощью? И хотя Туляева, Османов, Кошкин и другие об этом не просили и заявлений не подавали, Фортуна, не рассуждая и ни с кем не советуясь, помещает в месткомовский сейф расходные ордера.

А узнав, что некоторые работницы предприятия лежат в больницах и роддомах, богиня счастья решает посетить временно нетрудоспособных товарищей, подбодрить, поддержать морально, а также и материально. И выдает из кассы десять, двадцать, тридцать рублей. Не бог весть какие суммы. Кто упрекнет за это? Никто. Если бы болящие Басалаева, Чудаева, Мишута, Соцкова, Кравцова и другие получили эти деньги. Нет, они даже не знали, что о них проявлена такая забота по общественной линии.

Мифологическая, или, вернее, мифическая, деятельность Фортуны заинтересовала старшего бухгалтера группкома Спотарь и ревизионную комиссию. Ну, конечно, проверка, и, конечно, акт о всем сказанном и еще о недостаче 491 рубля.

Была проверка и из вышестоящей организации — Облсовпрофа. Прислали самого замзавфинотделом Джумагазиева. Дотошно разобравшись, он подтвердил выводы ревизионной комиссии и, как водится, составил акт. Но только через два месяца он же, Джумагазиев, подписал совсем другой акт, который опровергал все подписанное им ранее.

Что же за это время произошло? А за это время была покрыта недостача. За это время больным (давно выздоровевшим) были вручены деньги. За это время появились заявления и протоколы решений на получение материальной помощи. Написанные, разумеется, задним числом. В спешке произошел, правда, казус: подшили к отчетным документам заявление работника о помощи на похороны родственника, датированное декабрем, а оказалось, что тот умер в феврале следующего года. Но это пустяки, мелочь.

В общем, отвернувшаяся было Фортуна опять повернулась лицом к местному комитету. На конференции коллектива постановили: считать деятельность месткома в основном правильной.

— А как вы сами считаете? — спросили мы председателя месткома Ковалева.

— Не знаю... Я в финансовом отношении слабоват...

Та же вышестоящая организация во избежание возможных недоразумений вынесла Ковалеву строгий выговор, Шрамко отстранила от обязанностей казначея, а старшего бухгалтера Аллу Спотарь, ту самую, которая всколыхнула все это дело, предложила от работы освободить. Пусть впредь не пытается узнать, почему Фортуна к одним поворачивается лицом, а к другим, извините, обратной стороной.

гор. Шевченко, Мангышлакской области.

«...Зашел я вчера в магазин, а продавщица кричит: «Эй, куда претесь, товар кончается!» Подумал я: есть у меня любимая работа, хорошая семья, люди уважают — словом, человек я, а не «эй»! А она свое: «Эй, кому сказала!..» Разве ж можно так себя вести!..»

Из письма читателя В. Попова (г. Владивосток).

ТЫ МЕНЯ УВАЖАЕШЬ?

Да, да — это я тебя спрашиваю, дорогой читатель. Хоть мы с тобой и незнакомы лично. Поверь, произношу я эту фразу вполне серьезно, ответственно и, что главное, трезво:

— Ты меня уважаешь?

Короче говоря, распространяешь ли ты на меня, неизвестного прохожего среднего роста, с умеренными бакенбардами, Правила Хорошего Тона?

Надеюсь, они известны тебе, эти Правила. Ну, скажем, в учреждение, где я работаю, ты, конечно же, войдешь без шляпы и, обедая со мной, не будешь бросать в мою тарелку косточки от компота, дабы не лишать меня поэтического настроя. Словом, если ты будешь придерживаться Правил, это вроде бы дает мне возможность утвердительно сказать:

— Ты меня уважаешь!

(Почему «вроде бы», я объясню позже.)

Действительно, когда кто-то узнает тебя не по шнуркам на твоих ботинках, а, заметив еще издали, вежливо кланяется и протягивает руку, это подтверждает: тебя уважают.

Если машина, пересекая твой путь, остановилась и незнакомый водитель кивком уступает дорогу, значит, тебя уважают.

Я не ошибусь, если скажу, что в нашей жизни Правила Хорошего Тона играют роль, которую, как говорится, трудно переоценить. И, по-видимому, настала пора наконец разобраться, что же это за Правила и кто их выдумал. Было ли соответствующее распоряжение сверху.

Не было. Ни распоряжения. Ни указания.

Но если никто их не утверждал, как они появились? Каким образом и откуда пришло к нам УВАЖЕНИЕ? Кто обязал нас УВАЖАТЬ СТАРШИХ? А дело это, как известно, еще издревле было поставлено на добротную основу. Задолго до нашей эры тщедушный владелец седой бороды щипал за ухо провинившегося здоровяка, сложенного из стальных мышечных блоков, и тот только виновато сопел и, вытирая кулачищем слезы, старался при этом не повредить обидчика.

В этой связи вспомнился эпизод с известным ученым М. Профессор М. только что прочел блестящую лекцию и после грохота оваций и ответов на бесчисленные вопросы восторженных слушателей сел за руль своей машины. На одном из перекрестков он угодил в «пробку» и поехал со скоростью черепахи, а потом и вовсе остановился и как раз возле краснощекого инспектора ГАИ, который свирепо уставился на ученого и, нетерпеливо размахивая жезлом, закричал ему в ухо осипшим от команд голосом: «А ну, уматывай отсюда!» Профессор заволновался, как школьник, попавшийся с папироской, послушно закивал, а когда миновал инспектора, облегченно вздохнул: «Пронесло!»

Но представь себе, дорогой читатель, что такая сцена произошла бы в зале, где только что выступал ученый. Представь, что к концу лекции к трибуне подошел бы некий здоровяк со шваброй и, нетерпеливо размахивая ею, закричал бы на профессора: «А ну, проваливай!» Уверяю тебя, владельца швабры немедленно направили бы как минимум к невропатологу. На проезжей части улицы такая сцена выглядит нормальной.

А симпатичнейший водитель троллейбуса, подробно и доброжелательно объяснивший, какие ориентиры находятся возле каждой остановки, и неожиданно гаркнувший в микрофон: «Ну-ка, раскошеливайтесь, а не то сейчас всех высажу!» Да ведь это же, если хорошенько подвергнуть анализу, уже просто оскорбление словом!

Это я к тому, дорогой читатель, что если кто-то предупредительно снимает пальто с плеч дамы, а часом позже, в магазине, на пути к прилавку, сметает с лица земли целую очередь, в которой не одна, а много дам, толку в таком «знатоке» Правил Хорошего Тона никакого!

И знаешь, что я подумал: а не посмотреть ли нам на это дело масштабней? Ну, скажем, уточнить название этих Правил. Назвать их Правилами Уважения Человека. Ведь действительно, нарушая Правила Хорошего Тона, мы прежде всего обижаем человека, ущемляя его достоинство, портим ему настроение...

А вообще-то в конечном итоге все зависит от нас с тобой, дорогой читатель. Право же, нам по плечу сделать все для того, чтобы однажды без всяких там «вроде бы» и «как бы» я сказал тебе:

— Ты меня уважаешь. Я верю. Я вижу.

И ты бы мне ответил:

— И ты тоже. Это факт!

Фельетонист

Александр СОБОЛЕВ

Такси

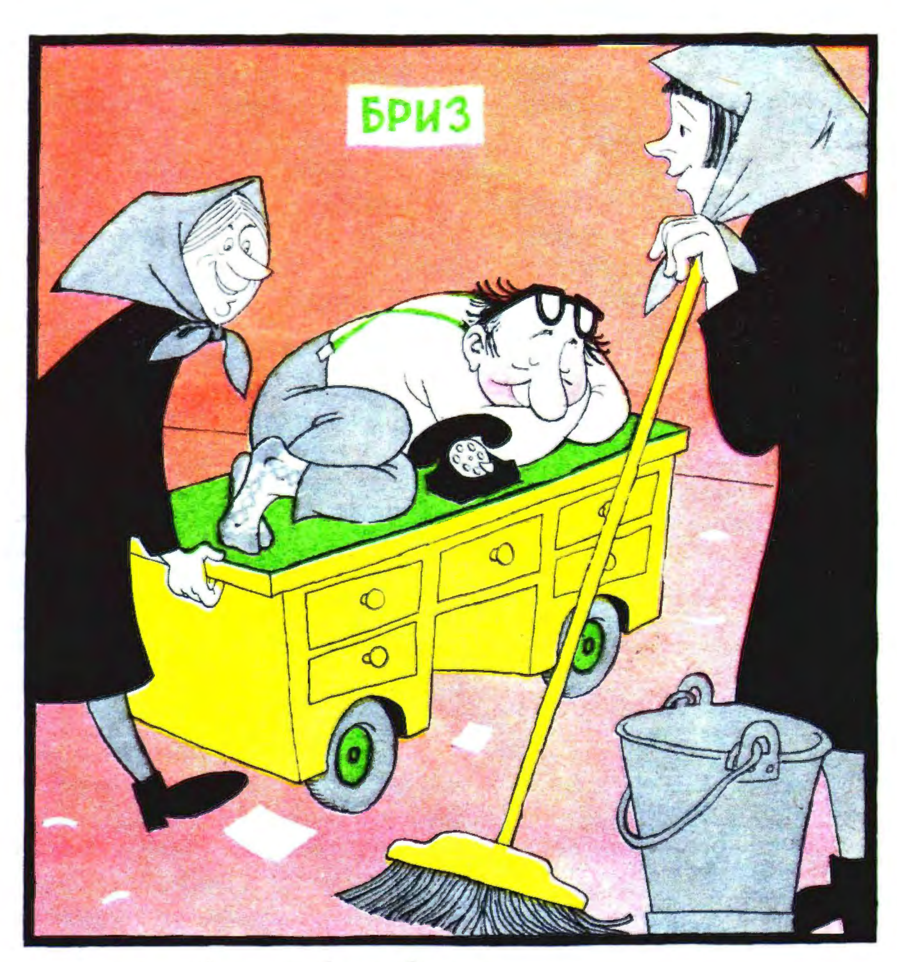
Я ехал на такси домой.
Водитель, между прочим,
плечистый и немолодой,
до слова был охочий.
Потеребил он пышный ус,
хитро моргнул глазами:
— Кой-чем я с вами поделюсь,
чур, только между нами.
Моя машина хороша,
ход у нее отменный.
Но остывает к ней душа,
скажу вам откровенно.
Я вовсе не утратил прыть
и не ослаб до срока,
мне просто надоело быть
кормилицей-сорокой.
То из крупы, то из зерна
она варила кашку
и насыщала ей она
прожорливую бражку.
Тому дала, тому дала,
тому добавок нужен...
Такие ж у меня дела,
а может, и похуже.
Вы спросите:
«Так в чем предмет,
при чем тут кашеварка!»
Отвечу прямо:
весь секрет
под крышей автопарка.
Бегут такси во все концы
и едут в парк обратно.
И тут шофера ждут «птенцы»,
дежурят аккуратно.
Они стоят, разинув рты:
«Давай, шофер, копейку».
Не дать, увы, не можешь ты,
им отказать посмей-ка!
Вам непонятно, почему!
Да потому — известно:
не дашь хотя бы одному —
и стоп такси... ни с места.
Детали! Не ищи их зря,
ни в парке, ни в продаже,
но вмиг найдут их слесаря,
как только их «подмажешь».
Начальнику колонны дай,
на мойке тянут ручки,
механик любит «крепкий чай»...
Не хватит всей получки.
Так вот какая дребедень:
вари, водитель, кашку,
корми той кашкой
каждый день
прожорливую бражку.
Я расплатился за такси
по счетчику с шофером.
Он снова подмигнул:
— Мерси!..
Добавьте... на поборы!

Кирилл ЛОМАГИН

За опытом

— Куда летал!
— В колхоз полесский,
там был серьезный семинар.
— И как,
доволен ты поездкой!
— Ни на какую б не сменял!
Встречали нас —
гремел оркестр,
вручали каждому
букет!
Нам улыбалось
все окрест!
В саду устроили банкет!
Веселый в пущу был поход
и на завод
фруктовых вод.
И каждый день
плясали, пели —
сплошная, в общем, благодать!
— А опыт!
— Опыт не успели
ни перенять, ни передать!..

Перевел с удмуртского
Иван ЗАКОНОВ.

— Это он изобрел, чтобы не будили во время уборки.

Рисунок
Е. ГУРОВА

На улицах Чернобыля гремят выстрелы. Иностранец, ненароком заглянувший сюда из капстраны, может сдуру подумать, что пальбу ведут враждующие из-за сферы влияния банды гангстеров, торговцы опиумом или грабят «Банк оф Чернобыль». Нет, Чернобыль, слава богу, не Гонконг, не Чикаго и даже не Лас-Вегас. Здесь не пахнет гангстерами и опиумом. Просто в городе в разгаре охотничий сезон. Палят из дробовиков, прочесывают свинцом улицы и площади, короче — идет отстрел бездомных собак.

В уютном Чернобыле дело это поставлено так. Вот не спеша движется по городу мусоровоз. Рядом шагает с дробовиком гражданин Степанушко. Грузчик мусоровоза Чупа, приложив ладонь в брезентовой рукавице к бровям, зорко оглядывает местность.

— Впереди, лево руля,— командует Чупа,— дворняга!

С. ШАТРОВ

ОХОТНИК С МУСОРОВОЗОМ

Степанушко вскидывает дробовик и открывает прицельный огонь. Собаке — капут! Чупа берет добычу и кидает в машину. Мусоровоз следует по своему маршруту.

Такой простой и эффективный способ уничтожения собак почему-то вызывает нарекания горожан. Многие возмущаются. Особенно волнуется мелкота, не имеющая даже права голоса, разные там дошколята и пионеры. При появлении мусоровоза поднимается шум и гвалт, что, естественно, нервирует гражданина Степанушко. Мелкота бросается спасать своих «жучек» и «бобиков». Возникает конфликтная ситуация. Согласитесь, в таких условиях трудно вести прицельный огонь. Тем более, что Степанушко не сверхметкий стрелок, не Вильгельм Телль, не мастак стрелять по-македонски. Степанушко ведет огонь из обыкновенного дробовика. Бывают промашки. Случаются подранки. И тут опять возникают нежелательные инциденты.

— Дяденька,— размазывая слезы, вопит мелкота.— Не убивайте ее больше, она еще живая, она еще дергается, дайте ее нам, дяденька!..

— Подергается, подергается — и подохнет,— объясняет образованный Чупа.— Так завсегда бывает...

Да что мелкота, взрослые заступаются, особенно женщины. Женщины кричат, что такое зрелище калечит души детей, хотят узнать, кто разрешил это безобразие, это паскудство, обзывают «охотников» антигуманистами.

— Про антигуманизм сказать ничего не скажу, поскольку не знаю, с чем его едят и чем запивают. А отстрел нашему охотнику разрешила Мария Романовна.

Мария Романовна Демьяненко — председатель Чернобыльского горсовета.

И, представьте, даже фамилия мэра Чернобыля не производит должного впечатления, граждане продолжают поносить стрелков. На что Степанушко, железный человек, и то на душе у него становится погано, будто на опохмелку вместо огуречного рассола глотнул солярку. С другой стороны, бросать отстрел — себе убыток: как-никак за собачью шкуру два рубля вынь да положь. По договору. Договорник Степанушко начал искать выход из создавшегося положения. Разогрел до невозможности свое мозговое вещество, испек мыслишку. Отстрел производить во дворах, чтобы не нервировать общественность. И вот уже мусоровоз подъезжает к дому

Алексея Гавриловича Гаврилова, что на улице «50 лет Октября». Впередсмотрящий Чупа командует:

— Впереди, во дворе за забором — собака!

В это время Алексей Гаврилович обедал, ел украинский борщ, вареники, а то и галушки со сметаной, что, впрочем, не суть важно. Важно другое: он услышал выстрел.

Стрелял Степанушко. Он просунул ствол в щель забора и в упор врезал собаке порцию свинца...

Алексей Гаврилович выбежал из дома. Выбежал и содрогнулся. Его Тузик, которого он взял щенком, его веселый, добрый, верный четвероногий друг, лежал в луже крови.

— Что произошло?! — спросил Гаврилов.

— Да ничего. Убили собачку. Сейчас уберем.— И Чупа начал перелезать через забор.

— Моего Тузика! За что?! Кто разрешил?!

— Мария Романовна.

Алексея Гавриловича затрясло, он что-то говорил о любви к животным, о безнравственности, беззаконности подобной охоты. Чупа был шокирован. Одно дело — женщины, чернобыльская ребятня, несмышленыши, сопливая команда, другое — пятидесятилетний мужик. Так убивается из-за собачонки. Нет, граждане, с такими слюнями и говорить неохота, мутит, ей-богу!

Чупа перекинул собачку через забор и погрузил в мусоровоз. Степанушко перезарядил ружье, и они двинулись дальше.

Алексей Гаврилович долго не мог прийти в себя. Соседи едва его успокоили. Впрочем, они и сами разволновались, написали письмо прокурору. Гаврилов же решил выяснить все до конца. Он нашел перевалочную базу, куда свозят убитых собак. Там лежало тринадцать трупов. Гаврилов заснял их. Он прислал снимки. На них забор его двора, пробитый дробью, кровь на досках, Тузик, сваленные на базе в снегу собаки. Мы решили не печатать фотографий, чтобы не травмировать читателей.

Мы позвонили в Чернобыльский горсовет (Киевская область). Мария Романовна Демьяненко подтвердила, что отстрел ведет договорник Степанушко, большой мастер своего дела. Сначала собак приманивают, потом убивают. В заключение Мария Романовна с раздражением заметила, что она догадывается, кто прислал жалобу. У этого жалобщика четыре собаки, одну пристрелили на улице, в родной двор она прибежала испустить дух. Мария Романовна посоветовала нам связаться с комбинатом коммунальных предприятий. Мы позвонили на комбинат. Директора не было, нам ответила бухгалтер Зинаида Никифоровна, человек, не руководящий охотой. Она бесхитростно сообщила, что уже пристрелено сто собак и отстрел ведется в городе в разное время дня...

На этом можно было бы поставить точку. Но мы получили еще несколько тревожных писем. Выстрелы гремят и в других городах и селах. И это очень печально... Бездомных собак следует отлавливать, но методами, которые не пропагандировали бы жестокость. Что же касается любителей стрельбы в городах, то пусть ведут пальбу в тирах по животным из фанеры и папье-маше. Поверьте нашему слову, Мария Романовна!

— Опять лезет!

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Владимир ЛИФШИЦ

Из цикла «Бывает же такое!..»

О возрасте

Встречает режиссер
известную актрису
И предлагает ей
сыграть Ларису.
— Мечтала бы! —
актриса говорит,—
Да, к сожаленью,
возраст не велит...

О совести

В писателе Н. Н.
проснулась совесть:
Он из редакции
забрал обратно повесть.

— Как видите, и среди высшего сорта удалось найти хорошее яблоко.

Рисунок Л. СОЙФЕРТИСА

Анатолий НАУМОВ

Рассказ

Трое в бассейне

Доцент расписался в ведомости и послюнил купюры. Получалось немало. Впрочем, сумма ему была почти безразлична. Он был не молод, по совместительству тянул за уши двух проектантов, вел семинар на телевидении и, в общем, устал. А еще предстояло тащиться на край города, на вечернее отделение.

«Ну их к черту,— подумал доцент, вспомнив любознательные и бывалые лица вечерников.— Надо отдохнуть. Пойду в бассейн, поплескаюсь. Не зря же мне вручен именной пропуск».

Через полчаса он был в бассейне. Моложавый сторож критически осмотрел неспортивную фигуру доцента, но, тщательно проверив пропуск, успокоился и показал налево.

— Раздевалка там...

Доцент с трудом разыскал в сложной коридорной системе раздевалку, принял душ и, отшлепывая мокрые следы на узорчатом кафеле, трусцой побежал к большой воде.

Был поздний вечер. В бассейне купались двое. Официальное открытие дворца еще не состоялось, и допуск сюда имели только проектировщики и строители.

Доцент зачерпнул пригоршней воды, намочил под мышками, только изготовился погрузиться — и тут погас свет.

Держась за поручни, доцент повис над пучиной. Двое в воде перестали фыркать, притихли. Стало жутко.

— Сапожники,— прозвучал несмелый бас из бассейна и послышалась возня.— Где эта чертова лестница? Так и утонуть недолго.

— Ау, товарищи! — бросил в темноту доцент.— Ко мне плывите. Выход здесь.

Мокрая рука схватила доцента за ногу.

— Надо одеться,— предложил басок.

— Надо,—зябко поддакнул второй.— Только как раздевалку найдешь?

— Друзья,— заявил доцент,— я поведу. Ведь я проектировал этот дворец.

Держась за плавки, они двинулись в поиск. Доцент, не выносивший щекотки, вздрагивал.

— Влево,— говорил он, осязая холодные стены,— и еще раз влево. Мы на верном пути, друзья. Вот она, раздевалка!

Они начали ощупывать помещение. Здесь было много столов, стульев, валялась пробка, на ощупь от бутылки с ликером, но шкафчиков с одеждой не оказалось.

— Похоже на кабинет директора,— определил басок,— теплые шторы.

Двое закутались в шторы. Доцент, чтобы согреться, стал делать приседания, выдыхая слова и глотая предлоги:

— Проекту — раздевалка — здесь— несомненно — впрочем — возможно— путаю — Домом — колхозника — проектировал — совместительству.

— Э-э!..— протянул уже подернутый хрипом басок.— Да ваш проект только при мне пять раз подправляли. Я и шабашил-то здесь месяца два от силы. Врио прораба. Если это кабинет директора, то раздевалка должна быть под нами, на первом этаже.

Ниже этажа не оказалось.

— Выходит, урезали,— решил прораб.— Может, покричим сторожу?

Минут пять они, надрываясь, напрасно взывали о помощи.

— А вы, собственно, почему молчите? — Доцент пнул в бедро третьего.— Вы можете что-нибудь предложить?

— Надо в бассейн вернуться,— сказал тот.— Подогреем воду и снова будем сидеть. Я монтировал систему терморегуляции.

— Надеюсь, не по совместительству? — вырвалось у доцента.

— По совместительству, конечно.

Бассейн удалось обнаружить с первого захода. Доцент и прораб погрузились в воду, а инженер исчез регулировать.

— Вроде холодит,— просипел прораб, обрывая с ушей ледяные корки.

— Не получается,—упавшим голосом сообщил из темноты инженер-совместитель.— Не в ту сторону гонит. В минус.

— Баста!—зло просвистел прораб.— Кто куда, а я в шторы.

Пробираясь известным путем, они услышали храп.

— Сторож, а дрыхнешь?! — закричал вне себя прораб.— Все директору доложим. Дай сюда тулуп, тунеядец!

Щурясь на лунный свет за отдернутой шторой, в черном костюме при галстуке, сторож вдруг закричал:

— Ну-ну, потише! Не видите, что уснул, сторожу по совместительству. А с претензиями прошу с десяти до часу по понедельникам. Я директор.

г. Донецк.

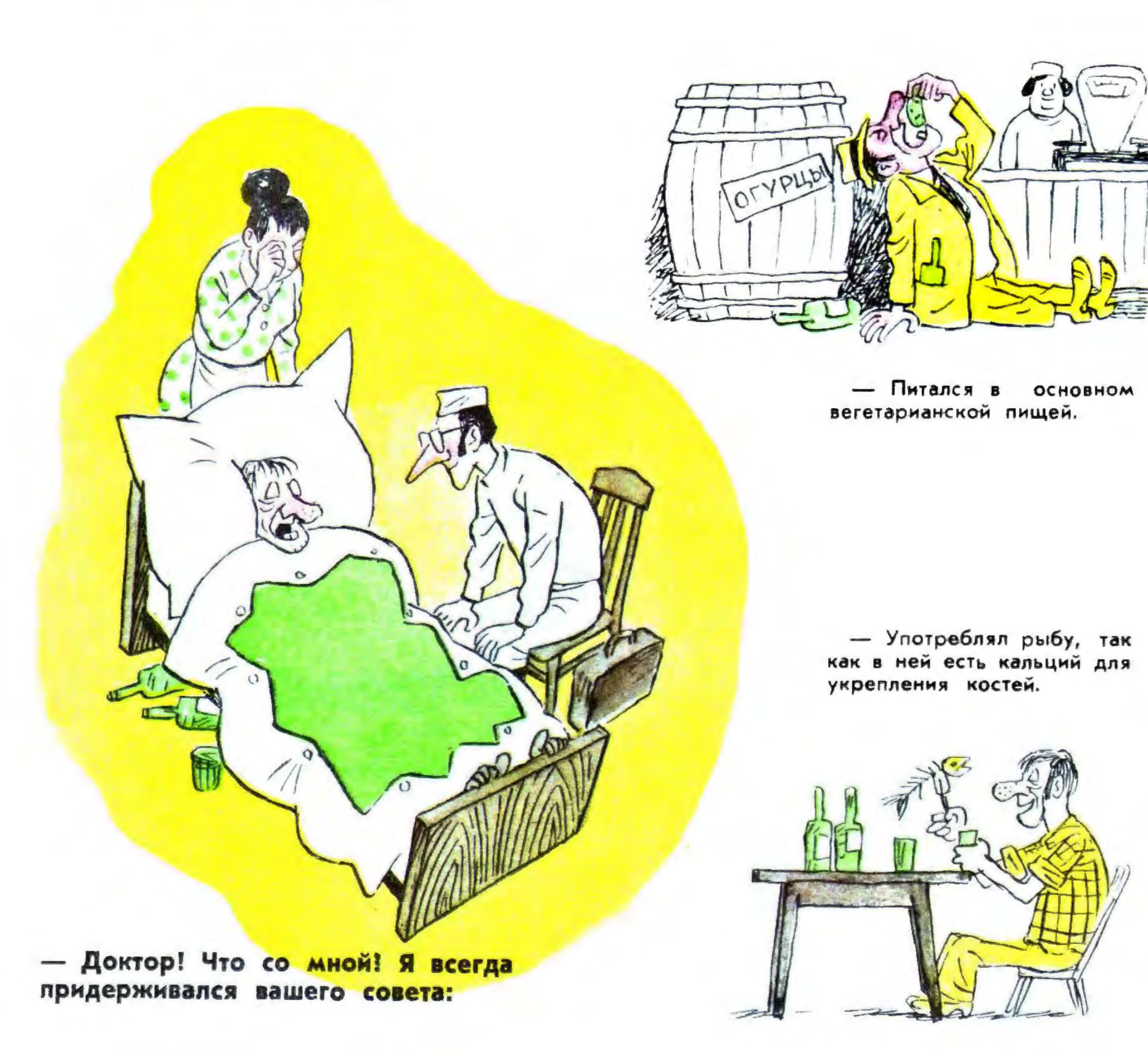

— Спал на свежем воздухе.

— По утрам частенько бегал.

— Питался в основном вегетарианской пищей.

— Доктор! Что со мной! Я всегда придерживался вашего совета:

— Употреблял рыбу, так как в ней есть кальций для укрепления костей.

— Вечерами часто гулял.

— После чего, как правило, принимал душ.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

Васил ЦОНЕВ (Болгария)

ПОЕДИНОК

Мы сидели и играли в шахматы. А что еще остается делать человеку в доме отдыха после того, как он целое утро загорал на пляже, а потом исправно пообедал?

Сидели мы вот так в столовой, играли в шахматы, как вдруг — трах! — хлопнула дверь, и в комнату с грохотом вошел здоровый, усатый гражданин.

— Начальник! — мгновенно определил Митё.

Митё всегда громко высказывает суждение о вещах, о которых мы вслух обычно не говорим. Когда он видит какое-нибудь ничтожество, тут же кричит: «Ничтожество!» Мы же, хотя и знаем, что ничтожество, но молчим. Есть такие люди — всегда громко говорят то, что знают все, а потом, стуча кулаком в грудь, заявляют, будто открыли Америку.

— И правильно,— утверждает Митё,— вот викинги открыли Америку и промолчали, а лавры достались Колумбу. Знаешь что-нибудь—скажи, чтобы и другие знали. Трусы все. Все знают отлично, а когда нужно о скотине сказать, что она скотина, уставятся в потолок и ждут, пока я скажу, чтобы мне под зад дали.

Тут он прав, хотя ему везет, и никто не дает ему под зад, потому что привыкли к нему; самую страшную истину брякнет вслух, а люди пожимают плечами: «Митёвы дела!»

И в этот раз, как я уже сказал, Митё определил: «Начальник!»

И мы с первого взгляда тоже поняли, что это начальник. Иначе зачем ему такие черные и густые усы под носом? Какой нормальный человек будет носить такие усы? Такие усы носят только начальники. Откуда пошла эта мода,— не знаю, но до сих пор не видал ни одного обыкновенного человека с такими усами. Они всегда сосуществуют с брюшком, высоким ростом и руководящим постом. И когда смотришь на такого человека, не можешь себе представить, что он был когда-то дитятей или бритым. Кажется, таким он родился, таким и умрет.

Начальник оглядел нас, прищурив глаза так, как обычно глядит начальство, сидя за красным столом президиума,— на тебя смотрит, а в то же время взгляд его реет над твоей головой. На тебя смотрит, но тебе ясно, что ему не до тебя и что он в этот момент обдумывает очень важный государственный вопрос. Заметив его взгляд, Ванка инстинктивно поднялся со стула.

Очень интересный человек этот Ванка. Все время ему кажется, что он во всем виноват. Так и сегодня он был уже готов извиниться перед начальником за то, что мы играем в шахматы. Хотя знал ведь, что ничего страшного нет в том, что мы играем в шахматы после обеда, в ожидании, пока переварится пища, но вечное чувство виноватости заставило его подняться и виновато развести руки. Наверно, так выглядел Иисус Христос на кресте, воздев очи к богу-отцу в предсмертный час,— дескать, люди не виноваты, это я сам себя распял; так, шутки ради.

Начальники очень любят таких типов. Дай начальнику такого олуха, и он на его голове готов опробовать все громы и молнии, ракеты и прыгающие шутихи. Такой болван для начальства вроде испытательного полигона или спарринг-партнера.

Разумеется, начальник сразу узрел верноподданническую фигуру, набрал в легкие воздух, надулся и прорычал:

— Поди сюда!

И Ванка, словно обезьяна, загипнотизированная питоном, двинулся, вытаращив глаза, к усатому. Вот тут-то и произошло нечто неожиданное. Какой-то человек, которого мы сегодня увидали в первый раз и, который вот уже полчаса тихо сидел у окошка, вдруг вскочил и загремел:

— Назад!

Его властный голос приковал Ванку к месту.

Начальник вытаращил глаза. На лице его совершенно неожиданно промелькнула улыбка. Наверное, такая же улыбка была на лице персидского полководца Ксеркса, который во главе многотысячного воинства атаковал три сотни спартанцев, защищавших узкий проход Фермопил. Ксеркс приказал тогда передать командовавшему спартанцами Леониду, чтобы сдавался, а не то пущенные персами стрелы затмят солнце. Леонид ответил: «Очень хорошо — приятнее биться в тени!»

Начальник облизнул губы, и из уст его послышался мягкий, бархатный голос:

— Как?

— Так! — отрезал оппонент.

Начальник мгновенно потемнел, сдвинул брови и сказал глухо, но властно:

— Сюда!

Ванка подался вперед, но оппонент вернул его на исходную позицию контрприказом, произнесенным безапелляционным тоном:

— Назад!

Ванка заколебался и вновь застыл на месте. Так, вероятно, должна была остановить свое вращение Земля, если бы на том же расстоянии, на котором от нее находится Солнце, только с противоположной стороны вдруг появилось бы второе Солнце. Великолепное зрелище, которое спокойно мог бы демонстрировать преподаватель астрономии! Мы стояли зачарованные и восхищенные.

— Вот это называется матч! — прошептал Митё.

Сначала казалось невероятным, что маленький человек, одетый в серый костюм, сумел добиться равновесия сил в поединке с усатым гигантом, но мы уже не смотрели на их фигуры, мы только слушали их голоса. И оба голоса были высшего качества: бархатистые, звучные, хорошо поставленные. Они модулировали, переливались обертонами и то, подобно скрипкам, взвивались к небу, то в следующее мгновение с треском и ревом устремлялись в подземелье.

Ванка стоял посредине бледный, готовый провалиться сквозь землю. Оппонент смилостивился. Он медленно подошел к Ванке, взял его за плечо и тихо сказал:

— Сядьте.

Ванка качнулся назад и шлепнулся на первый оказавшийся поблизости стул.

— Один — ноль в пользу Давида,— прошептал Митё.

Оппонент, или, как его назвал Митё, Давид, сделал еще один шаг, взглянул на усатого и произнес совсем новым, спокойным, но таящим в себе бури и громы голосом:

— Хлопаете дверьми? Кричите?

Усач смотрел на него полузакрытыми глазами, все еще не в силах осознать, что происходит.

— Извинитесь! — сказал Давид.

Усач широко раскрыл глаза:

— Что-о?

— Здесь дом отдыха. Шум вреден. Извинитесь перед отдыхающими!

Усач прохрипел:

— Отдыхающие?!

Он сделал шаг вперед и продолжил:

— Отдыхающие? Уставшие? И они сейчас отдыхают?

— Отдыхающие. Уставшие. И сейчас они здесь отдыхают,— повторил Давид.

— Голиаф набирает темп! — прошептал Митё.

Голиаф действительно на глазах раздувался. Набрав воздух, он начал медленно и ритмично его выпускать сквозь зубы.

— П-слушайте, приятель, вот эти,— он показал на нас широким жестом,— если их умножить на сто, не сделают и тысячной доли того, что совершаю я. Ясно? Однако я не отдыхаю. Я никогда не отдыхал! — заревел он с такой силой, что стала раскачиваться огромная люстра.— Я работаю по двадцать пять часов в сутки, чтобы такие паразиты, как вы...

— Убирайтесь вон,— кротко сказал Давид.

На этот раз начал раскачиваться сам Голиаф. Неожиданно голос его стал тихим и мягким. Он вынул блокнот и спросил:

— Ваше имя?

— Если вы сию минуту не исчезнете отсюда, я вызову милицию!

Голиаф удивительно добродушно поглядел на Давида. Он даже усмехнулся:

— Слушайте, вы. Я до сих пор еще никого не увольнял. Но, честное слово,— запомните,— даю вам честное слово! — с этой минуты считайте себя освобожденным от работы.

Ванка, ошалело слушавший диалог, закачался вместе со стулом и чуть не упал.

Митё присвистнул:

— Десять — один в пользу Голиафа!

И тут вновь произошло нечто непредвиденное. Давид тоже усмехнулся. Потом он вскрикнул и затрясся от смеха. Потом успокоился, посмотрел на Голиафа любящими, блестящими глазами и сказал:

— Знаете ли, мне будет чрезвычайно интересно увидеть вашу физиономию через несколько минут.

— Десять — десять! — отметил Митё.

Неожиданно над нашими головами пронесся страшный смех. Смеялся Голиаф. Он взвывал, потрясал животом, вздымал руки к потолку, потом хлопал себя ладонями по груди, чтобы не задохнуться.

Давид вначале опешил, но сразу же вскрикнул, схватился за живот, повалился на стул и, хохоча, задрыгал ногами.

Состязание становилось с каждой минутой все интереснее. Митё сказал:

— Такого матча я еще никогда не видывал. Поединок столетия!

А двое дрыгали ногами, тыкали друг в друга пальцем; смех грохотал, как буря, как вихрь.

Публика не смеялась. Все смотрели то на одного, то на другого. Дело становилось серьезным. После такого смеха прощения не жди. Кто-то должен был оказаться в нокауте. Но кто?!

Наконец смех стал утихать. Оба героя вздохнули поглубже, утерли выступившие на глазах слезы, посмотрели друг на друга с сожалением.

— Значит, вы хотите взглянуть на мою физиономию несколько минут спустя? — хохотнул Голиаф.

— А вы хотите меня уволить? — в свою очередь, хохотнул Давид.

Вот-вот должен был разразиться новый шквал смеха, но Голиаф вдруг встал и сказал:

— Очень сожалею. Мне было очень приятно, но, увы, у меня больше нет времени. Насмеялся я на двадцать лет вперед! Итак, милый друг,— тут он протянул Давиду руку,— вот вам мое последнее мужское слово: вы уволены!

Давид рассмеялся и, подав ему руку, сказал:

— Я хотел вас отправить в милицию за хулиганство. Но теперь я должен возбудить против вас дело по обвинению в превышении власти!

Голиаф тряхнул его руку.

— Послушайте...

Но Давид не дал ему закончить и обратился к нам:

— Да гоните же его вон! Только не забудьте записать номер его паспорта. Ну, действуйте!

Приказ был отдан таким тоном, что мы все поднялись с мест.

— Давид становится лидером! — прошептал Митё и, вздохнув, направился к Голиафу. Не оставалось сомнений: Давид был бо́льший начальник. Однако вновь произошло неожиданное.

— Задержите его! — сказал Голиаф и показал пальцем на Давида.

Митё застонал.

— Проклятие! Произошла ошибка! Голиаф вырвался на два корпуса вперед!

— Возьмите у него паспорт! — крикнул Давид.

— Задержите его! — повторил Голиаф.

Мы сидели оцепеневшие. Мы все превратились в то, чем раньше всегда был Ванка. Стали похожи на футбольные мячи, летающие по полю и никак не влетающие ни в какие ворота.

Вдруг Голиаф махнул рукой.

— Хорошо. Давайте договоримся. Я не желаю всем и каждому докладывать, кто я есть. Сейчас я вам лично предъявлю свои документы, а вы мне покажете свои. Вас устраивает?

Давид усмехнулся:

— Вполне!

Голиаф полез в карман.

— Прошу меня извинить, но вы сами меня заставляете сегодня же сделать все, чтобы вас уволили!

— Благодарю вас,— сказал Давид и полез за паспортом.

Они обменялись документами, однако ни тот, ни другой не заглянул в них.

— Ну, раскройте мой паспорт и взгляните! — сказал Голиаф.

— Напрасный труд. Я хочу, чтобы вы посмотрели мой паспорт.

— Зачем? — усмехнулся Голиаф.— Когда вы увидите мой, мне не будет необходимости заглядывать в ваш!

— Не знаю, но предчувствую, что будет наоборот.

— Неужели?

— Да-да!

— Это прекрасно! — развел руками Голиаф и сел на стул.

— Чудесно! — кивнул головой Давид и сел на соседний.

Оба смотрели друг на друга, любовно усмехаясь, и были похожи на влюбленных, встретившихся после долгой разлуки.

— Вы мне доставили огромное удовольствие!

— А вы — мне!

— Давненько я так не веселился!

— И я тоже!

— У меня есть идея! — всплеснул руками Голиаф.— Здесь наверняка есть фотографы-любители. Пусть заснимут нас сейчас, когда мы улыбаемся, и потом когда мы заглянем в паспорта!

— Отличная идея!

— Один момент! — вскричал Митё, и через минуту стоял перед ними с фотоаппаратом.— Улыбнитесь!

Они улыбнулись.

— Готово!

— Ну-с,— вздохнул Голиаф,— приступим ко второму снимку.

— Приступим,— согласился Давид.

— Считаю до трех. Когда скажу «Три!» — смотрим в паспорта. А этот пусть снимает.

— Согласен!

— Раз... Два... Три!

Щелк!

Если бы тот снимок увидел свет, Митё наверняка получил бы «Гран-при» на всех международных фотоконкурсах.

Давид и Голиаф стояли, как замороженные, с выпученными глазами.

Так, наверно, выглядел Эдип, когда узнал, что его жена в то же время является и его собственной мамой.

Минуту длилась тишина.

Потом оба обрели дар речи и одновременно воскликнули:

— Это вы?!

И одновременно их лица покрылись густой красной краской.

— Аппарат! — рявкнули они в один голос.

Из рук ничего не ожидавшего Митё они вырвали фотоаппарат, раскрыли и засветили пленку. Потом они взялись под ручку и, сказав: «Пошли!» — исчезли за дверью.

В ту же минуту в столовой появился запыхавшийся и расстроенный директор дома отдыха:

— Где начальники? — вопросил он.

— Какие начальники? — в свою очередь, поинтересовались мы.

— Новый начальник нашего главного управления назначил здесь встречу новому начальнику какого-то главного объединения. А я только что узнал об этом! Они приехали?

— А как же! — ответил Митё.— Приехали и повидались. Встреча прошла на высшем уровне, в атмосфере сердечности и закончилась вничью.

Перевел Г. КОФМАН.

Сатира в бою

ОСВОБОЖДЕНИЕ

1945 год. Весна. Освобождение народов Европы от фашистского ига.
Наши воины сбивали последние замки с нацистских тюрем.
Фашистский рейх, запланированный на тысячу лет, финишировал с опережением графика — под ударами Советской Армии и союзнических войск нацистская империя испускала дух на тринадцатом году своего преступного существования...

Анатоль ПОТЕМКОВСКИЙ (Польша)

Свобода на велосипеде

Орудийные снаряды ложились все ближе и ближе. Лагерные охранники уже думали не столько о нас, сколько о собственной шкуре. Поэтому нам удалось улизнуть. Лагерь был расположен на окраине Вены, мы быстро пробрались в город. Мы — это старик француз Шарбонье, пан Вуйцик и я. Мы ходили по Вене, расслабленные и спокойные, наслаждаясь зрелищем бегства гитлеровцев. Сорванные с мундиров знаки различия и награды со свастикой валялись повсюду — в водосточных канавах, в воронках от бомб, в руинах домов, в кучах мусора.

Мы топтали их деревянными подошвами лагерных ботинок, а на маленьких площадях и перекрестках улиц какие-то люди с мешками и узлами за спиной торопливо грузились в старые автофургоны с немецкими надписями «Фрукты и овощи», в городские автобусы, шикарные лимузины и армейские грузовики.

Мы слышали возбужденные, крикливые, истерические голоса. Низко над городом пролетали советские самолеты, и тогда гомон прекращался, но по самолетам уже никто не стрелял, и эта тишина вселяла в нас радость и надежду.

— Самолеты,— объяснял я своим попутчикам,— это ведь только предвестники появления танков.

Весь день мы провели на улицах. Нас томил голод, да и оставаться в городе для нас становилось небезопасным. Мы повернули обратно в свои бараки...

Лагерь был пуст. Заключенных куда-то угнали. Потому что здесь уже был фронт.

Здесь, у нас! И теперь только для нас троих. Для старого Шарбонье, для пана Вуйцика и для меня.

На лагерной кухне мы обнаружили ведро очищенной картошки. Ведро на троих! О, забытое счастье! Мы растопили плиту. Шкафом. Шкаф горел отлично. И когда вода стала закипать, у нас потекли слюнки. Внезапно зачастили пулеметы. Пули пронзали деревянные стены барака. Пришлось перебежать в каменный сарай, оставив картошку на огне.

Когда стрельба затихла, мы, гонимые нечеловеческим голодом, возвратились на кухню. На погасшей плите стояло ведро, полное замечательно сваренной картошки! Воды в ведре не было, а картошка дышала аппетитным паром. Аромат стоял очаровательный.

Какой же аккуратный повар так заботливо и вовремя погасил плиту, чтобы картошка не сгорела? Повара звали судьбой. Пуля пробила ведро у самого дна, как раз тогда, когда картошка была уже готова. Вода из ведра вытекла на огонь и погасила его. И картошка допаривалась, ожидая нашего возвращения.

Насытившись вдоволь, мы решили перебраться в пустующий загородный дом, что стоял неподалеку от лагеря. Один бог знает, почему мы так решили. Вероятно, оставаться в лагере нам показалось опасным. Теперь мы шли под свист пролетавших над нами снарядов. Я — с соломенным тюфяком на спине, француз Шарбопье, обнимая ведро с недоеденной картошкой, и пан Вуйцик налегке.

Ночью меня разбудила артиллерийская канонада. Я вышел из дома. Пахло садом, землей, небо было все в звездах, а горизонт прорезали частые молнии, как если бы это была летняя гроза, а не война.

Потом я отправился досыпать, и ранним утром проснулся старше на год, потому что это был как раз день моего рождения. Когда я опять вышел на порог, у дома стоял русский солдат с велосипедом. И я ничуть не удивился, словно все последние годы предвидел, что самое главное в моей жизни совершится именно так, без фанфар, без шума и без скрежета танковых гусениц.

Мы подали друг другу руки, и я спросил, не хочет ли он позавтракать с нами вареной картошкой.

— Конечно,— сказал он,— кто же откажется!

Он приставил велосипед к стене, и мы пошли подогревать вчерашнее блюдо.

Солдат был в полевой армейской форме, с автоматом через плечо, с пятиугольной звездочкой на пилотке, только звездочка была не красная, а зеленая, как того требовала маскировка. Его часть расположилась неподалеку, солдат нашел кем-то брошенный велосипед и решил покататься. И таким образом он занял район Оберштрассе-Вейт в предместье Вены.

Мы позавтракали, поблагодарили солдата за освобождение, и он уехал на велосипеде. Видимо, у него были другие дела и поважнее, чем освобождение трех лагерников — старого Шарбонье, пана Вуйцика и меня.

Так весной 1945 года свобода пришла к миллионам людей в Европе. Ко мне она приехала на велосипеде.

Перевел Н. ЛАБКОВСКИЙ.

— Вы свободны, друзья! *Рисунок Л. БРОДАТЫ, 1945 г.*

Автобиография одной гвардейской части.

Рисунок И. СЕМЕНОВА, 1945 г.

«СТРАДАНЬЕ»

То ли в Риме, то ль в Берлине
Гитлер встретил Муссолини.
Оба хмуры, оба биты
Где-то встретились бандиты.

Гитлер мрачен, Гитлер
страшен,
У Бенито нос расквашен.
Нос расквашен, скулы набок,—
Словом, хуже пьяной бабы!

Словом, здорово потертый,
Словом, морда что у черта!

И у Гитлера, о боже,
В синяках и шишках рожа!
В синяках и шишках точных,
Наших, подлинных, восточных!

Гитлер молвил:
— Беня, Беня,
У меня дрожат колени.

Я один с большой тоскою:
Мне досталось под Москвою.
Под Москвою и под Тулой
В спину вьюга мне подула.

В спину вьюга гонит с юга,
В спину — Тихвин и Калуга!

От московского свиданья
Мне досталось лишь
страданье.

Гитлер смолк. Темнее тучи
Отвечал бандиту «дуче»:

— Я не нюня и не плакса,
Но дела мои, как вакса!
Обо мне молва по свету
Надо хуже бы, да нету!

Мне одна судьба с тобою:
Ты заблеешь, я завою.
До свиданья, до свиданья!
Нам осталось лишь страданье.

Припев:

Один бандит да другой
бандит —
А вместе бандитов двое.
Один говорит, другой
говорит —
А вместе, конечно, воют.

Александр ПРОКОФЬЕВ
«Крокодил», март, 1942 г.

У ВОРОТ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ.

Рисунок КУКРЫНИКСЫ 1944 г.

ШНИЦЕЛЬ ПО-ВЕНСКИ

Рисунок В. ДАШЕВСКОГО
Польша, 1945 г.

Карл АНДРИСЕН (ГДР)

Ковер в Карлсхорсте

I

Речь идет вовсе не о знаменитом ковре-самолете. Эта красивая, обширная, бледно-зеленая ворсистая штука из реквизитного цеха «тысячелетнего рейха» не летала. Хотя хозяин ковра не удивился бы и такой способности — он верил только в две вещи: в чудо и грубое насилие. Утверждают, что иногда фюрер кусал свой ковер. В бешеной злобе. И отнюдь не потому, что ковер не хотел летать. Субъекта, возомнившего себя величайшим полководцем в истории человечества, повергало в черную меланхолию бегство его полков...

II

Ковер лежал в рейхсканцелярии, точнее, в подземных ее апартаментах. Фюреру под землей был необходим комфорт, чтобы в уюте беситься и отдавать свои катастрофические приказы. А наверху, на земле, все уже было разбито. И в небесах провидение нацистов тоже промахнулось.

III

Сегодня этот ковер уже не предмет роскоши, а экспонат истории. Ковры молчаливы. Они не любят говорить. А жаль — этому есть что порассказать.

Как попал ковер в Карлсхорст? Пятнадцать советских солдат принесли его туда почти бегом. Это было ровно тридцать лет назад. Акт о безоговорочной капитуляции германского фашистского вермахта сначала предполагалось подписать в рейхсканцелярии — там, где вынашивалась идея нападения на народы Европы. Но чванливая рейхсканцелярия превратилась в труднодоступные руины. Щебень и пепел оказались самым достойным художественным оформлением разбойничьего логова. Где же принять капитуляцию?

Наиболее подходящей для этой цели оказалась офицерская столовая из комплекса казарм на Рейнштейгштрассе в берлинском районе Карлсхорст. Впрочем, и столовая выглядела весьма убого. Тогда советские командиры приказали обставить самый большой вал «реликвиями» из бункера фюрера. Вот тем и объясняется, что пятнадцать советских солдат срочно доставили в Карлсхорст ковер и кое-какую мебель. Они это сделали, чтобы поставить финальную точку в исторической победе.

IV

Ковер оказался зыбким — для фельдмаршала Кейтеля, для генерала воздушных сил Штумпфа и адмирала фон Фридебурга. Когда эти господа, стараясь сохранить надменные мины на трясущихся физиономиях, вошли в дом на Рейнштейгштрассе, куда их потребовали для подписания капитуляции, им бросилось в глаза нечто знакомое и почти родное. Ковер! На нем эти господа стояли рядом с Гитлером, на нем принимали приказания и выслушивали упреки фюрера. Теперь в Карлсхорсте они занимались эпохально противоположным делом. Разница была ясна, как солнечный день. Здесь диктовала гуманность. Маршальский жезл, который Кейтель нервозно сжимал в кулаке, теперь стал никчемной грошовой палочкой. Разве что как сувенир для какого-нибудь американца эта безделушка, наверное, представляла огромную ценность.

V

В здании, в конце Рейнштейгштрассе в Карлсхорсте находится теперь музей Советской Армии,— весьма наглядная выставка, касающаяся освобождения Берлина. Знаменитый зал можно детально осмотреть, он сохранен, как говорится, в натуральном виде. Когда музей открыт, сюда торопятся посетители всех возрастов. Вход бесплатный, зрелище поучительное. А вот Кейтелю, Штумпфу и фон Фридебургу пришлось дорого заплатить за вход. Правда, они сюда и не торопились.

Перевела Л. МАРКОВА.

ШУТКА НА ПРИВАЛЕ

ВДОХНОВЕННАЯ ИЗОБРЕТАТЕЛЬНОСТЬ

Вечер проходил весело. Конферансье был в ударе.

— Дорогие друзья, концерт только начинается,— сказал он, в сотый раз передвигая микрофон,— главный номер еще впереди. Вас ждет небывалый вокал. Между прочим, я и сам пою. Ба-асом. Это у меня в роду: у моего деда был бас, у отца — бас-профундо, у меня тоже...

— Бас, а говорите тенором! — с непередаваемой иронией пророкотал густой баритон из первого ряда.

— Это, товарищи, особенность моего голоса: говорю тенором, а пою басом. Иногда, как дашь октаву пониже,— стекла вон, двери настежь, а бывало, и зрителей со стульев сшибало... которые в первом ряду...

— Ой, как напугал! — вызывающе хохотнул баритон.— Попробуйте сшибите!

— Ну, что ж,— сказал конферансье,— только потом не обижайтесь.

Он вновь переставил микрофон, положил правую руку на грудь, левую — на живот, поднял голову, глубоко вздохнул и только раскрыл рот, как раздался страшный треск и первые два ряда рухнули на пол. Зал охнул.

— Это не иначе как он ножки подпилил! — рявкнул баритон, поднимаясь с пола.— За такое дело знаешь что бывает?!

Завклубом заверил зрителей, что конферансье ни в чем не виноват. Он только розыгрыш хотел устроить, стулья же были целые, абсолютно новые. А что они развалились — так это типичный брак. Такого случая, добавил он, в истории Лебяжского района, Кировской области, еще не было. Концерт, товарищи, продолжается!

На обеспокоенный запрос редакции о случившемся заместитель директора совхоза «Лажский» Перминов с гневной сдержанностью сообщил: «Действительно, наш совхоз закупил через сельпо 35 стульев, которые в один прекрасный момент, как орехи, с треском развалились. Изготовлены эти стульчики в Верхнекамском районе, Кировской области, согласно артикулу 200, индекс Ж-612-235».

Конечно, обидно, но разве жалобами стулья восстановишь? Не лучше ли то, что от них осталось, пустить в дело?

У хорошего хозяина ничего не пропадает. Можно сиденья и спинки раскрасить в разные цвета и пустить на какой-нибудь интерьерчик, а ножки — на штакетник. И весь вопрос. Главное — не теряться. Вот как, к примеру, поступил читатель Н. Завьялов из Ясного Стана. «Покупка была удачная,— пишет он,— лак, зеркало внутри, вешалки, ящики и даже палочка для галстуков. Словом, всем шкафам шкаф. Привезли домой, стали устанавливать, а он прямо не стоит: то влево клонится, то вправо.

Что делать? Везти обратно — совсем сломаешь. Стали соображать. Сперва вбили два крюка в стену и подвесили шкаф на веревке, как картину. Стало лучше, но все-таки крен в 15—20 градусов сохранился за счет скольжения по веревке. Тогда жена говорит: «Что, мы шкаф каждый день передвигать будем? Давай прибивай этого идола к стене гвоздями, и делу конец». И что вы думаете? Стоит прекрасно».

Это поистине творческий подход к делу. Весь секрет в том, что покупатель, приобретая вещь, никогда не знает, что его ждет, и должен быть готов ко всякой неожиданности.

«Возьмите обыкновенную купальную резиновую шапочку,— пишет врач базового Сочинского санатория имени Орджоникидзе Д. Бершадский.— Казалось бы, что ее опасаться: шапочка как шапочка. Но оказывается, кто-то когда-то ее модернизировал, убрав застежку, и теперь вода свободно проникает в ухо. Некоторые отдыхающие закладывают в уши вату, используют вазелин, но все напрасно. В результате — мареотит, отмена мацестинских ванн и других лечебных процедур, вконец испорченный отдых, долгое и трудное лечение. Мы поднимали этот вопрос перед торгующими организациями, но, увы, безуспешно. Боюсь, дорогой Крокодил, что это не очень смешно».

Скорее печально. Люди готовы хворать, но пальцем не шевельнут ради своего здоровья. А ведь достаточно отрезать верхушку у шапочки, чтобы шапочку мгновенно превратить в плотную повязку, которая не только надежно предохраняет уши, но и закрывает глаза. И никакой застежки не надо.

Легче всего обвинять в браке, не замечая, что он иногда приносит прямую пользу. Просто удивляешься, как покупатели, которые жалуются на брак, слепо проходят мимо своей же выгоды. Вот вам пример. Наш читатель А. Песков из поселка Стекольный, Магаданской области, купил демисезонное пальто из ткани с водоотталкивающим покрытием производства Магнитогорской швейной фабрики. «С тех пор,— пишет он,— я всегда в пуху и ношу с собой одежную щетку, чтобы его удалять. Пальто вырабатывает пух с неистощимой силой. Пух летит от меня, как в тополиную метель, и откуда он только берется!..»

Человеку посчастливилось, а он жалуется. Человек отбивается от пуха, от белого, теплого, драгоценного пуха, какого ни за какие деньги не купишь! Не смешно ли?

Простите, уважаемый читатель, вы, кажется, хотите что-то спросить? Ах, о конферансье? Нет, нет, ничего ему не было. Все обошлось благополучно. Только с тех пор, как развалились стулья, он стал, знаете ли, слегка заикаться: «С р-розыгрышами,— говорит,— п-покончено н-навсегда»... Но это сущие пустяки.

С. РЫЖАК.

Рисунок В. ШКАРБАНА

Лариса НИКОЛЬСКАЯ

Диет-дуэт

А я говорю: бурда, говорю,
Она говорит: солянка!
А я говорю: вода, говорю,
Она говорит: сметанка!
А с чем, говорю, стаканчик стоит!
Неясные в нем продукты...
Она говорит: компот, говорит,
И плавают в нем фрукты!..

А я говорю: вот вилки в тазу,
Похоже, они немыты...
Еще, говорю, мне нож, говорю,
Она говорит: иди ты!..
А стол, говорю, борщами залит,
Объедки на нем и крошки.
Она говорит: смахни, говорит,
Снеси, говорит, кошке!

Ну что ж, говорю, прощай, говорю,
Здоровье для нас не шутка!
От вашей еды дойдешь до беды,
До язвы дойдешь желудка.
Она говорит: завком, говорит,
Направит к врачу больного,
Найдут, говорит, гастрит, говорит,
Придешь, говорит, снова!..

г. Ленинград

Дышите спокойно

«Загадочные» явления мозга и психики человека в свете современной науки» — читаете вы на обложке брошюры, затем открываете обложку, переворачиваете титульный лист и наглядно убеждаетесь: да, и мозг и психика человека — это огромная загадка. Вторая и третья страницы поражают вас своей девственной наготой, то есть полным отсутствием текста. Правда, еще неясно вам, преднамеренный ли тут пропуск, иллюстративно символизирующий свет современной науки, который ослепляет вас, и потому вы не видите «загадок». Или же тут всего-навсего типографский брак, который, впрочем, также свидетельствует о загадочных явлениях мозга человека. В данном случае человека-печатника, человека-брошюровщика.

Листаете дальше и в конце тринадцатой страницы натыкаетесь на формулу внушения, гипноза: «Дышите спокойно, равномерно, глубоко... все ваше тело тяжелеет и словно наливается свинцом... непреодолимая сонливость и дремота все больше овладевают вами... вы засыпаете, засыпаете...»

Тут вы переворачиваете страницу и погружаетесь в белый туман — две следующие страницы как бы сознательно лишены текста, который, конечно же, только мешал бы убаюкиванию читателя.

Так что, с одной стороны, данная брошюра, отпечатанная в типографии № 2 Ленуприздата, явный брак, а с другой — белые страницы органически вплетаются в текст, как бы иллюстрируя или продолжая мысль автора.

Э. ИВАНОВ.

Где же прогресс!

«Вот если бы... обувщики работали без брака... А почему не могут везде работать хотя бы так, как на предприятиях львовской фирмы «Прогресс»...»

«Правда Украины», 29 января 1975 г.

«Три дня прослужили мне сапоги-чулки производства львовской фирмы «Прогресс». На четвертый день один развалился... Я отправила их назад, во Львов. И с тех пор, несмотря на многочисленные запросы, ни ответа, ни привета.

Г. Алпатова».

«Правда Украины», 30 января 1975 г.

СКУЛЬПТУРА-75

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

СКАЗКИ ШАХЕРМАХЕРЗАДЫ

М. ВИЛЕНСКИЙ, Е. СТАСИН

Если не посетует на нас просвещенный читатель за то, что привели мы в наш фельетон из «Книги тысячи и одной ночи» сказочного царя Шахрияра, то перейдем прямо к делу.

Повествуют люди сведущие, что не столь давно, сколь недавно достославный царь Шахрияр с печалью узнал, что сын его, молодой Солейман, променял шум забав на шорох книжных страниц.

И однажды вечером в заставленный книжными шкафами кабинет наследника без стука и спроса вошла дева, подобная ветви ивы и жаждущей газели.

Обратив к Солейману курносую голубоглазую мордашку, дева представилась:

— Гертруда Канальес, звезда стриптиза из кельнского ночного кабака «Шахразада». Ваш посол в бундесреспублике предложил мне тысячу долларов в день, если я развлеку и развеселю тебя, любезный герр Солейман. Разреши приступить?

— Презираю стриптиз. Лучше расскажи, Гертруда, как ты дошла до жизни такой.

— О достославный наследник повелителя правоверных! Я закончила исторический факультет, но не смогла устроиться по специальности, ну и подалась в «Шахразаду». Умоляю тебя, добросердый герр Солейман, не депортируй меня обратно в Кельн, ибо безработица опустошает даже ряды мастериц стриптиза.

— Гут. Я готов оставить тебя здесь на некоторое время, но с условием: ты обязана ежевечерне делиться со мной познаниями, почерпнутыми на историческом факультете.

— Вундербар! За тысячу долларов в день я готова стать твоей Шахразадой-75. Если позволишь, я изложу несколько прелюбопытнейших правдивых историй из летописей второй мировой войны.

— Валяй! — согласился Солейман.

И Шахразада из города Кельна начала свое повествование.

ГЕНЕРАЛ ПОГОДА

— О мой властелин и повелитель Солейман-ибн-Шахрияр! Сегодня я с любовью и охотой поведаю тебе, почему наш доблестный вермахт не смог захватить Москву.

Красных выручил могучий союзник — погода. Погода и почва стали самыми заклятыми врагами германских войск, рвавшихся к Москве. Сначала Советам помогала генеральша Распутица. Октябрьские дожди превратили дороги в потоки грязи. Люди, лошади и машины тонули в холодной жиже, и германский блицкриг был остановлен. А затем окончательный удар фашистским войскам под Москвой нанес генерал Зима. Самая ранняя и самая холодная за полвека зима буквально заморозила немецкие армии. А вот наступающим советским войскам в декабре 1941 года, наоборот, очень помогли жестокий мороз и глубокий снег. Кстати, и под Сталинградом все решила погода: самой сложной проблемой для немцев был лед, который покрыл дороги и мешал движению танков.

— Ах, фройлен, фройлен! Ну, зачем ты оскверняешь свои уста историческими шахер-махерами? Боюсь, что придется переименовать тебя в Шахермахерзаду и удержать пятьдесят процентов зарплаты за фальсификацию истории.

— Мой повелитель! Чем провинилась скромная бедная девушка? Ведь я только слово в слово повторила то, что вычитала из трудов американских и английских историков Т. Дюпуи, Л. Купера, Э. Зимке, У. Крейга. Их и штрафуйте, если хотите.

— Ты уж лучше предложи этим историкам выступить вместе с тобой в стриптизе: своим бесстыдством они доказали пригодность для такой работы. Любому человеку с нормальным умом, не воспаленным антисоветской горячкой, понятно, что географические и погодные факторы воздействуют на обе армии. И еще передай при случае своим шахермахерзадам в брюках, что, по данным немецкой метеорологической службы, в октябре 1941 года в Московской области осадков выпало значительно меньше, чем обычно, а период распутицы был слабее и короче, чем в прошлые годы. А раннее похолодание в ноябре позволило войскам и боевой технике продвигаться даже вне дорог. Так что погоду на фронте сделали сила Советской Армии, мужество ее солдат, искусство ее военачальников. И очень жаль, что за тридцать лет твои профессора-историки так и не научились выговаривать простые правдивые слова. До завтра, Шахермахерзада!

БЕРЛИН НА БЛЮДЕЧКЕ

И когда наступил второй вечер, Шахермахерзада сказала:

— Говорят, о счастливый принц, будто бы русские выиграли битву за Берлин. Так пополни же, о просвещенный Солейман, копилку своей мудрости моей информацией. Не было никакой битвы за Берлин. Силы у немцев уже иссякли, в самом Берлине насчитывалась едва дюжина танков. Гитлер и его советники ничего не сделали для обороны города. Так что можно считать, что фюрер преподнес Советам Берлин на голубом блюдечке.

— Чьи исторические шахер-махеры ты повторяешь на этот раз?

— О, это не выдумки, мой принц. Я процитировала свидетельства весьма уважаемых джентльменов — английского генерала Д. Страусона и американского публициста Д. Тоуленда.

— Если тебе доведется когда-нибудь коротать досуг с мистерами Страусоном и Тоулендом, напомни им телеграмму Гитлера гроссадмиралу Деницу, посланную 25 апреля 1945 года. «Битва за Берлин,— писал фюрер,— является роковой битвой Германии. По отношению к ней все другие задачи и фронты имеют второстепенное зна-

РИМ. Иностранные туристы обожают этот древний красивый город и не прочь задержаться здесь. Гостеприимные римляне никогда не смущают визитеров бестактным вопросом: «А что вы, собственно говоря, здесь делаете?» Но недавно этот вопрос был все-таки задан итальянским журналом «Эуропео» трем американцам: мистерам Уильяму Мерриэму, Джону Маккоуну и Вернону Уолтерсу. Дело в том, что все трое — непосредственные организаторы государственного переворота в Чили. Уолтерс — заместитель директора ЦРУ, Маккоун — бывший директор ЦРУ, специалист по «конкретным действиям», Мерриэм — вице-президент компании ИТТ, автор плана удушения чилийской экономики. Что поделывает эта троица черных коршунов под голубыми итальянскими небесами? Мерриэм, например, открыл на улице Абруцци в Риме «отдел по изучению рынка». Не помышляет ли фирма «Мерриэм и К°» превратить Италию в большой мясной рынок во главе с фашистским мясником типа Пиночета?

ДЖАКАРТА. В специальном обращении к жителям Джакарты власти призвали горожан прекратить «давать на лапу» полицейским чинам. Горожане с энтузиазмом согласились, но в частных разговорах выражают мнение, что властям не худо бы ежедневно обращаться и к полицейским с призывом не заниматься вымогательством.

ЛИСА И ЖУРАВЛЬ

Рисунок М. АБРАМОВА

Николай ЭНТЕЛИС

Грации в лучах «эмансипации»

В последнее время в США резко увеличилось число серьезных преступлений, совершаемых женщинами — участницами гангстерских шаек.

Разве справедливо было это,
Что бандитам все разрешено,
А красотки Дженни, Мэри, Кэтти
Лишь глядели с завистью в окно!
Раньше грабил банки кто!
Сильный пол!
Дерзко угонял авто!
Смелый пол!
Кто наркотики ввозил!
Храбрый пол!
Бил по морде что есть сил!
Грубый пол!
А теперь неравенство такое —
Просто смехотворный атавизм:
Гангстершу отеческой рукою
В путь благословил капитализм.
Кто втроем на банк напал!
Слабый пол!
Кто свинца обрушил шквал!
Робкий пол!
Кто похитил «кадиллак»!
Скромный пол!
Кто участник пьяных драк!
Нежный пол!
Скептики на всем на белом свете
Могут быть теперь убеждены,
Что красотки Дженни, Мэри, Кэтти
С сильным полом полностью равны!

СКАЗКИ ШАХЕРМАХЕРЗАДЫ

чение». В Берлинской операции с обеих сторон участвовало около трех с половиной миллионов человек, около восьми тысяч танков и самоходных установок, почти одиннадцать тысяч самолетов. И это называется «никакой битвы»? Конечно, я понимаю чувства обоих джентльменов — Страусона и Тоуленда. Их душит зависть оттого, что именно Советская Армия раздавила фашистского зверя в его логове. А зависть — мать злобы и бабушка фальсификации. Советую тебе, фройлен Шахермахерзада, черпать из чистых, незамутненных источников. Скажу честно, твои сказки начинают мне надоедать.

ВТОРОЙ СТАЛИНГРАД

И когда наступил третий вечер, Шахермахерзада сказала:

— Что бы ты там обо мне ни думал, о наследник властителя правоверных, а я девушка бедная, но честная. И меня, между прочим, ужасно обижают твои постоянные опровержения. Поэтому сегодня опровергать буду я. Повесь же уши своего внимания на гвоздь моего правдивого рассказа.

Ты знаешь, конечно, о просвещенный юноша, что Советы гордятся своей победой под Сталинградом. Так слушай же: был и «второй Сталинград», не уступающий по значению первому. Я имею в виду победу западных союзников над вермахтом в Арденнах в январе 1945 года.

— Арденны похожи на Сталинград не более, чем свеча на прожектор. В ходе Арденнской операции немецкая армия потеряла 68 тысяч человек, а в Сталинградской битве — полтора миллиона...

— Но дозволь доформулировать, о мой недоверчивый принц. Своими решительными действиями в Арденнах и в Эльзасе американо - английские силы сковали немецкие армии на Западе. Только благодаря этому Советская Армия смогла перейти в генеральное наступление в начале 1945 года. Да-да, и не смотри на меня с такой пронзительной укоризной, мой принц. Недаром же меня называли гордостью исторического факультета: у меня феноменальная память. Я назубок помню, что писали об Арденнской операции такие историки, как Х. Эссайм и П. Элстоб в Англии, Г. Буххайт, М. Фройнд и Г. Юнг в ФРГ. Я лишь добросовестно привела их мнение...

— Клянусь бородой пророка, что, будь эти ученые мужи смазливыми дамочками, их бы не только что в стриптиз, а даже в порядочный публичный дом не взяли на работу по причине неслыханной безнравственности. Так вот, к вашему сведению, фройлен Шахермахерзада, на рассвете 16 декабря 1944 года танки с фашистской свастикой на броне прорвали фронт американцев в Арденнах. Застигнутые врасплох американские дивизии в панике отступили, неся громадные потери. Спустя несколько дней американский генерал Паттон записал на бегу в своем дневнике: «Мы еще можем проиграть эту войну». А генерал Дуайт Эйзенхауэр доносил в Вашингтон, что без помощи Советской Армии американские войска окажутся в «самом тяжелом положении». И тогда от лица союзников Черчилль 6 января 1945 года обратился к Советскому правительству с просьбой, которая в переложении с дипломатического языка на простой, повседневный звучала коротко и ясно: «Караул! На помощь!» В ответ советское командование на восемь дней раньше намеченного срока, а именно 12 января вместо 20-го, развернуло мощное наступление в Польше. Не прошло и двух дней, как фюрер приказал отступить из Арденн и стал срочно перебрасывать силы с Запада на Восток.

Кто же кому помог, я тебя спрашиваю, Шахермахерзада? Нет, я сегодня же прикажу казначею расторгнуть контракт и первым самолетом отправлю тебя нах хаузе.

Гертруда Канальес рухнула на колени.

— О, пощади меня, мой принц! В моем фатерланде инфляция, безработица и массовые увольнения. Молю тебя, пролонгируй контракт хотя бы еще на один вечер. Моя следующая сказка утешит и развеселит тебя больше, чем все предыдущие.

— Хорошо, даю тебе последний шанс,— буркнул Солейман-ибн-Шахрияр.

МОКРЫЙ НОС ФЮРЕРА

И когда наступил четвертый вечер, Шахермахерзада сказала:

— С любовью и охотой, если позволит принц Солейман, я поведаю о главной причине поражения вермахта.

И принц молвил:

— Позволяю, так как стремлюсь услышать конец рассказа.

И Шахермахерзада, урожденная Гертруда Канальес, сказала:

— Дошло до меня, о высокоученый принц, что Германия проиграла войну из-за гриппа, который свалил фюрера в самое неподходящее время.

— Каким ветром, фройлен Шахермахерзада, занесло эту трогательную информацию в твою головку?

— О роковом гриппе фюрера пишет западногерманский автор Мазер в своей пухлой книге «Гитлер», и это же подтверждает наш авторитетный военный журнал «Веркунде». Неужели ты опять не веришь, о Солейман?

— Отчего же! Напротив... Я живо представляю себе, как фюрер склоняется над стратегической картой, а звонкая капель из его носа размывает нарисованные на карте разноцветные стрелы запланированных «клещей». Ну и бедный генштаб, естественно, ничего не может понять в этой сопливой распутице. Отсюда и крах вермахта. Очень логично. Больше того, я могу продолжить ценную мысль Мазера и журнала «Веркунде». Под Сталинградом Гитлеру помешал коклюш, Курскую дугу он неважно спланировал из-за радикулита, а Крым не удержал по причине внезапного поноса. Все ясно. Зайдите в дворцовую бухгалтерию за расчетом. Там же получите авиабилет и мелочь на такси до аэропорта.

— Ну, что же, твоя воля, принц,— вздохнула Гертруда Канальес.— Прощай. Но скажи мне, о цветник мудрости, откуда знаешь ты всю правду?

— Эту правду знает всякий грамотный человек, но некоторым она стоит поперек горла.

Разрешите обжаловать...

И синоптик порой не ошибается

В 4-м номере журнала в разделе «Нарочно не придумаешь» напечатана цитата из сводки погоды, опубликованной в газете «Казахстанская правда»:

«Декабрь — первый месяц зимы. На всей территории Советского Союза в это время самые короткие дни и ночи... Л. Анисимова, инженер-синоптик Управления гидрометслужбы Казахской ССР».

В прогнозе погоды, переданном мной «Казахстанской правде», было указано правильно: «...самые короткие дни и самые длинные ночи». Ошибка вкралась по вине редакции газеты, и я считаю себя невиновной.

Л. Анисимова.

Как нам сообщили из газеты, укоротил декабрьские ночи дежурный ночной редакции. Невольно, так сказать, выдал желаемое за действительное.

Спрашивай — отвечаем

Бывает ли муж прав?

Дорогой Крокодил! Мы с мужем вообще спорим редко, но уж если спорим, то по принципиальным вопросам. А по поводу рисунка Г. Андрианова, опубликованного в первом номере, мы чуть не поссорились.

— Смотри, опять этот тип со своим одеколоном пришел! Рисунок Г. АНДРИАНОВА

Я утверждаю, что этот рисунок критикует пьяниц, которые даже в парикмахерскую приходят со спиртным. Есть алкаши, которых водкой не пои, дай только хлебнуть одеколона. К тому же в парикмахерской флакон с одеколоном не так бросается в глаза, как поллитровка «Экстры». А муж — он хотя и трезвенник, но иногда бывает такой упрямец — утверждает, что автор рисунка критикует парикмахеров, которые, чтобы увеличить выручку, нещадно орошают одеколоном и желающих и нежелающих. Вот поэтому клиент и пришел со своим одеколоном. Кто из нас прав?

Р. Любина, г. Красноярск.

Ваш муж имеет большой опыт пользования услугами парикмахерских, поэтому прав все-таки он, разумеется, в порядке исключения. Простите ему это и учтите, что ссориться с мужем не следует, даже когда он прав.

Письмо позвало в дорогу

К каннибалам!

Уважаемый Крокодил! Читаю твой второй номер: «Для людоеда хорошо относиться к человеку — это есть его с аппетитом».

Читаю третий номер: «Как измельчали люди!» — сокрушался людоед».

Первое изречение взято из каннибальского фольклора, второе принадлежит перу Евг. Тарасова. Как измельчали люди, занимающиеся фразоманией!

С. Асюченко, г. Ладыжин, Винницкой области.

Уважаемый тов. Асюченко!

Спасибо за замечание. Для решения вопроса о том, насколько измельчали люди и каковы в действительности вкусы людоедов, редакция направляет Евг. Тарасова в служебную командировку в страну каннибалов. В настоящее время кондиции тов. Тарасова доводятся до оптимальных в институте питания.

Уголок эрудита

Чем он изводил жену?

Прочитал во 2-м номере рассказ датского писателя Вилли Брейнхолста «Как изводить свою жену». Чувствуется, что автор отлично знает дело, о котором он пишет. Вот только напрасно он называет паука насекомым. Если верить 32-му тому Большой Советской Энциклопедии, пауки совсем не насекомые, а членистоногие животные. Просветите автора, а заодно и себя.

А. Горшков, пенсионер-колхозник, с. Антилохово, Ивановской области.

Уважаемый тов. Горшков!

Спасибо за проделанную исследовательскую работу. Вилли Брейнхолсту в Копенгаген послан 32-й том БСЭ. Пусть знает, что датские пауки ничуть не лучше других.

Улыбнись, читатель!

Будьте осторожны

В третьем номере я прочитал стихи Ю. Благова «Холостяк». Там есть такое странное четверостишие:

Женился б я на стройной
стюардессе,
Витает в облаках, да вот в чем суть:
Так много пассажиров в каждом
рейсе,
Что может довитаться
с кем-нибудь...

Что за нелепое слово «довитаться»! Разве грамотный человек может «довитаться»?

М. Бурый, г. Москва.

Если вы предпочитаете в облаках не витать, а прыгать, то вполне можете и допрыгаться. А это еще хуже, чем довитаться. Будьте осторожны.

Маленькие сенсации

Тайное становится явным

Дорогой Крокодил, долго я размышлял над тем, как пользоваться прищепками, нарисованными во 2-м номере (см. иллюстрацию к пародии «Кем быть?»), но так и не понял. Не будут держать эти прищепки. Неплохо бы присвоить им твой «Знак скверного качества». Надеюсь, ты это сделаешь. Ведь критика — твое основное оружие. Да и самокритика — дело не плохое.

На всякий случай посылаю чертеж нормальной прищепки.

П. Суслин, г. Владивосток.

После долгих отпирательств художник признался, что ни разу в жизни не развешивал сушиться выстиранное белье, считал, что это прерогатива жены, и поэтому практически не знаком с конструкцией прищепки. Женсовет редакции строго указал ему на то, что пренебрежение домашними заботами не украшает мужчину, а сейчас, когда все прогрессивное человечество отмечает Международный год женщины, оно особенно нетерпимо. Художник пообещал исправиться.

Сигналы услышаны

Приятного отдыха!

Нынешней зимой редакция получила большую сатирическую поэму «Сказ о том, как Изергили летний отпуск проводили». Авторы поэмы — группа жителей Читы, совершившая летом прошлого года с путевками Читинского экскурсионного бюро путешествие по маршруту: Чита — Москва — Севастополь — Чита. Почти полгода понадобилось авторам поэмы, чтобы изложить в восьми главах с эпилогом свои впечатления, столь же богатые, сколь и безрадостные. Никто не заботился о туристах, которые даже ночевали и питались где попало.

А в письме читательницы Н. Гусельниковой из г. Навои, написанном суровой критической прозой, рассказывалось об экскурсии в Самарканд. Хотя она состоялась не в период летнего туристского бума, а в декабре (мертвый сезон), когда провести ее намного легче, все равно путешествие жителей Навои в Самарканд прошло безобразно по вине организаторов.

По просьбе редакции документальная сатирическая поэма «Сказ о том, как Изергили летний отпуск проводили» внимательно прочитана Центральным Советом по туризму и экскурсиям ВЦСПС, а сатирическая проза Н. Гусельниковой изучена Узбекским республиканским Советом по туризму и экскурсиям. Факты, изложенные и в поэме и в письме Н. Гусельниковой, подтвердились. Виновные наказаны. И Всесоюзный и Узбекский советы по туризму и экскурсиям сообщили о принятых мерах, направленных на устранение недостатков в обслуживании туристов. Надеемся, эти меры значительно улучшат обслуживание любителей дальних странствий, и впечатления, полученные ими, не вдохновят их на сочинение новых сатирических поэм и писем.

Угадайте, сколько двоек поставил учитель?

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

МИМОХОДОМ

Кому много дано, с того много и спишут.

О. СЕИН.

Иной Феникс возрождается из пепла своих врагов.

Гений, стой! Опять ты идешь не в ногу со временем.

Евг. ТАРАСОВ.

Выкуривая и чужие сигареты, подрываешь свое здоровье.

С. МАРКОВ.

Каждый имеет право быть самим собой, даже клиент фотоателье.

В. КОНЯХИН.

Поэт писал голеностопным ямбом.

Ю. ШАНИН.

черным по белому

Рисунок Л. ФИЛИППОВОЙ

— Кран, кран, говорю, сломался, повторяю по буквам — Коля, Рая, Аня, Нина...

Рисунок В. МОХОВА

— Могу устроить по дружбе...

Рисунок В. ВЛАДОВА

— Сколько можно аплодировать?
— Я моль ловлю.

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

Крокодил помог

«И ОПЯТЬ СОМНЕНИЯ...»

Еще два года назад в «Крокодиле» был опубликован фельетон Э. Эделя «Уймитесь, сомнения!». Речь шла о юбилее начальника Тюменского областного аптекоуправления Е. Е. Орловой. Подчиненные были заранее уведомлены об этом событии и явились на юбилей не с пустыми руками. Даже председатель обкома профсоюза медработников А. Щеглаков преподнес ей презент за счет профказны.

Тогда Е. Е. Орлова отделалась выговором по административной линии.

И вот опять на горизонте появилась Е. Е. Орлова. На сей раз ей захотелось получить трехкомнатную квартиру в облисполкомовском доме, имея собственный дом с садом. Чего она и добилась путем различных махинаций и даже отремонтировала ее за государственный счет. Об этом говорилось в фельетоне «И опять сомнения...» («Крокодил» № 4).

Как сообщает секретарь Тюменского обкома КПСС тов. П. Телепнев, бюро горкома партии за злоупотребление служебным положением объявило Е. Орловой и А. Щеглакову строгие выговоры с занесением в учетные карточки и освободило их от занимаемых должностей.

«РАЗМЫШЛЕНИЯ В ГРИЛЬ-БАРЕ»

касались затруднений, которые испытывают сельские жители Эстонии при сдаче овец на Ранверский мясокомбинат, а также скудного меню в гриль-баре таллинской гостиницы «Виру» (см. фельетон А. Голуба «Размышления в гриль-баре», «Крокодил» № 2 за 1975 год).

Председатель Совета Министров Эстонской ССР тов. В. Клаусон в своем ответе редакции сообщает, что имевшиеся в 1974 году трудности при приемке скота и птицы от населения были вызваны недостаточно четкой работой Министерства мясной и молочной промышленности ЭССР. Президиум Совета Министров республики обязал министра мясной и молочной промышленности тов. А. Эссенсона разработать дополнительные мероприятия для обеспечения беспрепятственной приемки скота, особенно овец, от населения.

Совет Министров указал Министерству торговли республики и управлению по туризму на недостатки в снабжении мясопродуктами предприятий общественного питания и потребовал от них улучшить работу.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Граждане пассажиры!
Автобус рейса Грайворон — Харьков по прибытию опаздывает из-за опоздания».

(Объявление на автовокзале).

Прислал С. Коваленко, г. Харьков.

«Вниманию покупателей!
Сегодня в Доме книги проводится выставка-продажа последнего экземпляра книги.
Выставка работает с 11 до 16 часов».

Газета «Вечерний Челябинск».

«Унты коричневые (внутри с собакой)».

(Из накладной).

Прислал В. Данилов, г. Братск.

«Не так давно владелец «Москвича» В. Н. Гуляев оказался на улицах города с неисправными тормозами».

Газета «Красное знамя», Приморский край.

«Справка
Дана корове. В пищу пригодная.
Ветфельдшер — подпись».

Прислал К. Иванов, Мариинский район, Кемеровской области.

«Критику в свой адрес мы признаем и будем бороться с нею всеми силами».

(Из выступления на совещании).

Записал И. Рутман, г. Советск, Калининградской области.

«Объявление.
Товарищи помольцы!
В пьяном состоянии в мельницу для набора муки мешки не допускаются.
Администрация».

Прислал В. Ланге, Шпаковский район, Ставропольского края.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

— В этом раунде ты заставил его здорово понервничать. Он подумал, что прикончил тебя.

«Рекорд», Англия.

— Убийцы!

«Пардон», ФРГ.

Пьер ДАНИНОС (Франция)

Сюрприз

Серж со вздохом вытер пот со лба. Было жарко, и его мучили заботы. Его шеф — доктор Ахилл Бонфуа — через два дня праздновал двадцатипятилетие служебной деятельности, и Серж считал своим долгом преподнести ему какой-нибудь ценный подарок.

К сожалению, Серж был небогат. Он пересчитал всю свою наличность. Увы, во всех карманах едва набралось 50 франков. Что можно купить на такие деньги? Тем не менее Серж не унывал. Он храбро вошел в антикварный магазин. Владелец в этот момент громко говорил какому-то покупателю:

— Послушай, Дюран, даже если бы ты был мне трижды родственник, я не смог бы удовлетворить твою просьбу: я никому ничего не продаю в кредит!

Серж начал внимательно изучать ярлычки с ценами, прикрепленные к расставленным в витринах и на прилавке вещам. Вещи были отличные, но цены — цены были явно не по карману... Он уже хотел было уйти, как вдруг заметил в углу кучку фарфоровых осколков.

— Что это такое, мсье? — спросил он хозяина магазина.

— О, это была уникальная вещь! — простонал антиквар.— Проклятая кошка уронила с прилавка драгоценную вазу эпохи династии Мин...

— Почему же вы не попытались ее склеить?

— И некогда, и все равно теперь ей — грош цена.

— Сколько бы вы взяли с меня за эти осколки?

— Дайте мне пять франков, и я их немедленно заверну!

— Благодарю вас! Вот вам десять франков и, пожалуйста, уложите их в ящик, а потом отправьте сегодня же по адресу: доктору Ахиллу Бонфуа, начальнику департамента министерства, Париж, улица Гренель, дом 111/4.

— Не волнуйтесь, все будет сделано!

Серж вышел из магазина веселый и счастливый. Пусть шеф думает, что он для него ничего не пожалел и что он совсем не виноват в том, что драгоценная ваза в пути разбилась!

Когда в понедельник Серж пришел на работу, настроение его было отменное. Пятью минутами позже в департаменте появился доктор Ахилл Бонфуа. Перед тем, как войти в свой кабинет, шеф подошел к Сержу.

— Ваш подарок меня просто изумил! — сказал он.

— Я счастлив! — просиял Серж.— Ваза действительно изысканна...

— Но скажите, дорогой мой, почему вы каждый осколок так тщательно завернули в бумажку?

Перевел Г. МАРКО.

Слова, слова...

Того, кто крепко стоит на ногах, поддерживают чаще, чем тех, кто падает.

М. Ген, американский социолог.

Главное достоинство человека — знать все свои недостатки.

Пословица жителей Атлантиды.

Быть скромным — значит уметь выделяться среди других своей скромностью.

Из месопотамского учебника этикета.

Если бы свой жизненный опыт мы могли продавать хотя бы по себестоимости, не было бы нужды в пенсиях.

Е. Туа, французская писательница.

— Как твой новый директор? Можно с ним работать?
— Прекрасный человек! С ним можно вообще не работать!

●

— Где кассир?
— Он ушел на скачки.
— Как? В рабочее время?
— Да, мсье. Но это его последний шанс свести баланс.

●

В самолете очень скромный молодой человек никак не решается заговорить с миловидной соседкой. Наконец, собравшись с силами, он спрашивает:
— Извините, а вы тоже летите этим самолетом?

●

Фермер — новому работнику:
— Идем, я покажу тебе, как доить корову.
— Может, мне лучше начать с теленка?

●

— О, господин Якобсен, вы так веселы. Что случилось?
— Ах, не говорите, господин Свенсон! Я так горжусь своим сыном — за примерное поведение его освобождают из тюрьмы на полгода раньше срока!

●

— Вы не скажете, где тут городской музей?
— Не знаю, спросите кого-нибудь еще, я ведь местный.

●

Автор спрашивает известного критика:
— Как вы думаете, не стоит ли мне внести в пьесу какие-нибудь изменения?
— Да, пожалуй, мой друг. Я бы вам посоветовал, чтобы ваш герой не повесился, а застрелился.
— Почему?
— Звук выстрела разбудит зрителей.

— До чего дикая страна: чтобы увидеть закат, нужно ждать целый день.

«Эпока», Италия.

Шотландец, владелец небольшой фермы на острове, посылает в магазин на берегу жену с запиской:
«Прошу покупки записать на мой счет. Я не мог дать ей денег, так как лед на реке ненадежный».

●

— Ну, как твоя жена?
— Она была бы идеальной женой, если бы не требовала от меня, чтобы я был идеальным мужем.

●

Ночь. Пьяница пытается вставить ключ в фонарный столб. Подходит полицейский и иронически спрашивает:
— Вы что, не видите — ведь никого нет дома.
— Как нет, а почему тогда на втором этаже свет горит?

●

— Почему девушки-спортсменки бегают все-таки медленнее мужчин?
— Исключительно из-за кокетства, чтобы публика их лучше рассмотрела.

— Это у нас новый ковер...

«Джорни», Италия.

— Твоя мама очень волнуется, что завтра мы уедем на экскурсию без нее.

«Благ», Франция.

«Урзика», Румыния.

КРЕСТЬЯНИН-ГРЕШНИК

Из черногорских сказок

Один крестьянин пахал свое поле и сеял пшеницу на пасху. Богу это не понравилось, и он послал на землю святого Илью, чтобы внушить крестьянину: работать на пасху — великий грех.

— Расспроси крестьянина,— напутствовал бог,— что его заставляет работать, когда все другие сидят дома за праздничным столом?

Святой Илья опустился на крестьянскую ниву и увидел такую картину. Крестьянин шел за сохой, а на краю его поля лежал бурдюк с вином. Закончив борозду, пахарь выпивал стаканчик вина и снова брался за соху. Когда он заканчивал новую борозду, все повторялось. Святому стало завидно, и он попросил налить стаканчик и ему.

— А кто ты такой? — спросил крестьянин.

— Я святой Илья.

— А, так это ты, значит, гремишь в облаках и пугаешь людей. Не дам тебе ни капли!

Святой Илья вернулся и сказал богу, что крестьянин не послушался его и продолжает грешить, то есть работать. Тогда бог послал на землю святого Саву. Тот тоже, увидев бурдюк, стал просить у крестьянина вина.

— А кто ты такой? — спросил крестьянин.

— Я святой Сава.

— Значит, это ты замораживаешь и воду и землю? Не получишь от меня ни глотка!

Святой Сава вернулся к богу и тоже пожаловался на ослушника. Тогда бог послал на землю святого Петра. Крестьянин встретил его с радостью.

— Присаживайся поближе к бурдюку, Петя,— сказал он.— Ты добрый святой, приносишь теплую погоду, хороший урожай.

И стал угощать святого Петра вином. А тот, изрядно выпив, сказал крестьянину:

— Бог на тебя очень рассердился и хочет погубить твой хлеб. Так что ты не дожидайся, пока он созреет, продай его.

Крестьянин послушался совета и продал свою пшеницу на корню попу. А когда поп сжал ее и сложил в скирды, бог, не зная о состоявшейся сделке, превратил пшеницу в мякину. Попу ничего не оставалось, кроме как горевать о напрасно истраченных деньгах. Плач и стенания попа бог услышал и сделал так, что пшеница в скирдах снова налилась отборным зерном. Но поп об этом не знал.

— Послушай меня, — сказал крестьянину святой Петр,— пойди сейчас к попу и уговори его продать тебе скирды с мякиной хоть за половинную цену.

— А зачем мне мякина? — спросил крестьянин.

— Покупай, не пожалеешь,— ответил святой Петр,— а мне поднеси еще один стаканчик.

Крестьянин угостил святого Петра и пошел к попу. Тот с радостью согласился продать мякину и выручить хотя бы половину денег. А когда крестьянин обошел скирды, то увидел, что в них лежит отборная пшеница...

Узнав обо всем этом, бог сильно рассердился. А потом сказал со вздохом:

— Что поделаешь, если даже святые стали брать взятки...

Перевел с сербскохорватского и обработал М. СЕМЕНОВ.

КРОКОДИЛ
№ 11 (2129)
ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»
ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Темы рисунков этого номера придумали: М. Абрамов, А. Алешичев, М. Вайсборд, В. Владов, В. Жаринов, В. Мохов, Ю. Узбяков, Л. Филиппова.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Технический редактор Г. И. ОГОРОДНИКОВ.

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 28/III 1975 г. А 00814. Подписано к печати 9/IV 1975 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 820 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 509 950). Изд. № 994. Заказ № 413.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Обработал ЛЕБЕДЕВ А.В.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

Юрий ФЕДОРОВ

Из цикла «Рассказы о странах, где я не бывал»

ПОДАРОК

Безработный Джон Браун дремал на скамейке, голодный и без цента в кармане...

-Это вам ПОДАРОК от Армии Спасения как самому безропотному безработному!

Неизвестный мужчина подошел к нему, снял с него носок и что-то туда положил...

10000 $

О радость! Я богат!! Я счастлив!!!

Всё закружилось в голове у Джона... В розовом тумане побрёл он, сам не зная куда...

Профессор Скотт Кляусс — Полезные советы

Внезапно незнакомый голос позвал Джона.

-Джон! Что вы будете делать с деньгами?

-Я положу их в банк.

Так Джон Браун очутился у профессора Скотта Кляусса, дающего полезные советы.

BANK

-Друг мой! Банки лопаются ежедневно!..

-А если хранить деньги дома, в сейфе?!

-Наши умельцы-гангстеры взламывают любой сейф!

-А если скупить продукты? Они дорожают... Можно сделать бизнес!

-Вы думаете, что наши консервные банки долговечнее финансовых банков?

-А может, приобрести краденую мадонну?

-Чтобы хранить мадонну в вашей каморке, её надо разрезать на части...

-Ну чтож, тогда мне придётся приобрести бриллиант и проглотить его...

-Ничего не выйдет, Джон! Любой доктор, к которому вы обратитесь по пустяковому поводу, вырежет его у вас под видом аппендицита!..

-Что же делать, профессор?!!

-Во-первых, Джон, вы должны мне за советы 9550$. А на остальные купите мою книгу

Как стать богатым и счастливым

В холодном поту очнулся безработный Джон Браун. Над мрачным городом нависла непроглядная тьма...

Ю.Ф.